

С. Степняк

Подпольная Россия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. Степняк**
Подпольная Россия / С. Степняк – М.: Книга по Требованию, 2024. – 214 с.

ISBN 978-5-518-01760-3

ISBN 978-5-518-01760-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЛОНДОНСКИЙ ФОНДЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ основанъ нижеподписавшимся лѣтомъ 1891 года при помощи взносовъ, сдѣланныхъ нѣсколькими русскими, имѣющими легальное положеніе въ Россіи. Цѣль его удовлетвореніе ощущаемой въ настоящую минуту въ Россіи потребности въ свободномъ печатномъ словѣ. Изданія фонда будутъ выходить отдѣльными брошюрами не періодически, касаясь какъ злобы дня, такъ и общихъ вопросовъ. Считая будущее русскаго народа результатомъ всѣхъ существующихъ попутныхъ теченій и мнѣній въ Россіи, издатели не намѣрены ограничиваться опубликованіемъ только своихъ личныхъ воззрѣній, но приглашаютъ и другихъ авторовъ, не воплѣ согласныхъ съ ними, но могущихъ доставить рукописи, цѣнныя по своему фактическому содержанию, или въ какомъ нибудь другомъ отношеніи, принять участие въ изданіяхъ фонда за своей собственной или псевдонимной подписью. Ко всѣмъ-же тѣмъ, кто живо чувствуетъ въ Россіи униженіе невольнаго молчанія и сознаетъ свой нравственный долгъ по отношенію къ массѣ грядущаго народа, населяющаго русскую территорію, мы обращаемся за посильной помощью средствами и литературнымъ матеріаломъ. Мы охотно беремъ на себя всѣ хлопоты по опубликованію всѣхъ присылаемыхъ намъ цѣнныхъ рукописей и аккуратной доставкѣ въ Россію отпечатаннаго.

Тѣ, кто не имѣютъ съ нами связей черезъ нашихъ друзей въ Россіи, могутъ обращаться къ намъ лично или письменно изъ-за границы. Деньги можно пересылать или переводами черезъ одинъ изъ лондонскихъ либо парижскихъ банковъ, или почтовыми переводами (*mandats, postal orders*) или ассигнаціями любой страны. въ заказныхъ письмахъ.

КОМИТЕТЪ ФОНДА :

- Ф. Волховскій (*F. Volkhovsky, 15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.*).
- В. Войничъ (*W. Voynich-Kelchevsky, 15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.*).
- С. Степнякъ (*S. Stepniak, 31, Blandford Road, Bedford Park, London, W.*).
- Н. Чайковскій (*N. Tchaykovsky, Harrow, England*).
- Л. Шишко (*L. Shishko, — адресъ парижскаго склада — Paris, France*).

ИЗДАНИЯ ФОНДА :

—о—

- 1-ый выпускъ. — «Чего Намъ Нужно и Начало Конца». **С. Степняка**. Два изданія, 8000 экз. Цѣна 2 пен. (25 сант.; 10 центовъ).
- 2-ой выпускъ. — «Заграничная Агитація». **С. Степняка**. 5000 экземпляровъ. Цѣна 2 пен. (25 сант.; 10 центовъ).
- 3-ий выпускъ. — «Еврей къ Евреямъ». **Е. Хасина**. 5000 экз. Цѣна 4 пен. (40 сант.; 20 центовъ).
- 4-ый выпускъ. — «П. К. Домбровский, Членъ 'Пролетаріата' (Революціонеръ-Самоучка). Біогр. очеркъ. 5000 экз. Цѣна 2 пен. (25 сант.; 10 центовъ).
- 5-ый выпускъ. — «Чудная.» Очеркъ. **В. Короленко**. 5000 экз. Цѣна 1 п. (10 сант.; 5 центовъ).
- 6-ой выпускъ. — «Подпольная Россія». Съ портретами. **С. Степняка**. 5000 экз. Цѣна 3 ш. 3 п. (4 фр.; 75 центовъ).
- 7-ой выпускъ. — «Конституція графа Лорисъ-Меликова». 5000 экз. Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 центовъ).
- Находятся въ печати:
- 8-ой выпускъ. — «Чему учить 'Конституція графа Лорисъ-Меликова'». **Ф. Волховскаго**. 5000 экз. Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 центовъ).
- 9-ый выпускъ. — «Кто чѣмъ живетъ». **С. Дикштейна**. Народное изданіе. 5000 экз.
- 10-ый выпускъ. — «Азбука социальныхъ наукъ». Части III и IV. **Н. Флеровскаго**. 5000 экз.

* * *

Готовится новый выпускъ изданій Фонда: «Нашимъ дымомъ понесло». **Ф. Волховскаго**.

НИГИЛИЗМЪ

I.

Слово Нигилизмъ было введено въ обиходъ нашего языка, какъ извѣстно, покойнымъ П. С. Тургеневымъ, который окрестить этимъ именемъ особое умственное и нравственное теченіе, намѣтившееся среди русской интеллигенціи въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ.

Эта кличка не была ни остроумнѣе, ни вѣрнѣе множеству другихъ, изобрѣденныхъ тѣмъ-же Тургеневымъ, не говоря уже о Щедринѣ. Но повезло ей, можно сказать, поистинѣ не въ примѣръ со сверстниками. Изъ великаго, до сихъ поръ не вполне отъсѣянаго романа Тургенева, названіе это быстро перешло въ обыкновенную разговорную рѣчь. Слово нигилизмъ получило право гражданства сперва какъ бранная кличка, а потомъ какъ гордо припятый ярлыкъ той философской школы, которая одно время занимала самое видное мѣсто въ русской интеллектуальной жизни.

Лишь пятнадцать спустя, когда заправскій нигилизмъ совершенно сошелъ со сцены въ Россіи и былъ почти забытъ, эта кличка вдругъ воскресла и стала жить за границей, гдѣ и заѣла такъ прочно, что, по видимому, ея уже ъничѣмъ не вытравить.

Настояній нигилизмъ, какимъ его знали въ Россіи, былъ борьбою за освобоженіе мысли отъ узъ великаго рода традицій, шедшей рука объ руку съ борьбой за освобоженіе трудящихся классовъ отъ экономического рабства.

Въ основѣ этого движенія лежалъ безусловный индивидуализмъ. Это было отрицаніе, во имя личной свободы, всякихъ стѣненій, предлагаемыхъ на человѣка обществомъ, семьей, религіей. Нигилизмъ

быть страстной и здоровой реакціей противъ деспотизма не политическаго, а нравственнаго, угнетающаго личность въ ея частной, интимной жизни.

Надо, однако, сознаться, что наши предшественники, особенно въ первое время, сумѣли внести въ эту совершенно мирную борьбу тотъ-же митежный духъ протеста и то-же одушевленіе, которые характеризуютъ позднѣйшее движеніе. Періодъ этотъ заслуживаетъ, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ, такъ какъ онъ является своего рода прологомъ въ той великой драмѣ, которая разыгралась впоследствии.

Первая битва была дана на почвѣ религіи. Но тутъ она не была ни продолжительна, ни упорна. Побѣда досталась сразу, такъ какъ нѣтъ ни одной страны въ мірѣ, гдѣ-бы религія имѣла такъ мало корней въ средѣ образованныхъ слоевъ общества, какъ въ Россіи. Прошлое поколѣніе держалось съ грѣхомъ пополамъ церква, больше изъ приличія, чѣмъ по убѣжденію. Но лишь только фаланга молодыхъ писателей, вооруженныхъ данными естественныхъ наукъ и положительной философіи, полныхъ таланта, огня и жажды прозелитизма, двинулась на приступъ, христіанство пало, подобно старому, полуразвалившемуся зданію, которое держится только потому, что никому не вздумалось напереть на него плечомъ.

Пропаганда матеріализма велась двумя путями, взаимно поддерживавшими и дополнявшими другъ друга. Съ одной стороны, переводились и писались сочиненія, заключавшія въ себѣ самыя неопровержимыя аргументы противъ всякой религіи и вообще — противъ всего сверхъестественнаго. Чтобы избѣжать придирокъ цензуры, мысли слишкомъ вольнобыя облекались въ нѣсколько неопредѣленную, туманную форму, которая, однако, никого не вводила въ заблужденіе. Внимательный читатель успѣлъ уже привыкнуть къ «эзоповскому» языку, усвоенному передовыми представителями русской литературы. Рядомъ съ этимъ шла устная пропаганда. Стоя на почвѣ данныхъ, доставляемыхъ наукой, она дѣлала изъ нихъ окончательные выводы, уже нѣсколько не стѣняясь цензурными соображеніями, съ которыми принуждены были считаться писатели. Атеизмъ превратился въ религію своего рода, и ревнители этой новой вѣры разбрелись, подобно проповѣдникамъ, по всѣмъ путямъ и дорогамъ, разыскивая вездѣ душу живую,

чтобы спасти ее отъ христіанскія скверны. Подпольные станки и гутъ оказали свою услугу. Изданъ былъ литографированный переводъ сочиненія Бюхнера «Сила и Матерія», которое имѣло громаднѣйшій успѣхъ. Книга читалась тайкомъ, не смотря на рискъ, съ которымъ это было сопряжено и разошлась въ тысячахъ экземпляровъ.

Однажды мнѣ въ руки попало письмо В. Зайцева, одного изъ сотрудниковъ «Русскаго Слова», бывшаго главнымъ органомъ стараго нигилизма. Въ этомъ письмѣ, предназначавшемся для подпольной печати, авторъ, говоря о своей эпохѣ и обвѣщаніяхъ, выставляемыхъ нынѣшними нигилистами противъ нигилистовъ того времени, пишетъ: «Клянусь вамъ всѣмъ святымъ, что мы не были эгоистами, какъ вы насъ называете. Это была ошибка,— согласенъ,— но мы были глубоко убѣждены въ томъ, что боремся за счастье всего человѣчества, и каждый изъ насъ охотно пошелъ-бы на эшафотъ и сложилъ свою голову за Моленотта и Дарвина». Слова эти заставили меня улыбнуться, но, несомнѣнно, они были совершенно искренни. Если-бы дѣло дошло до подобной крайности, то мнръ, чего добраго, увидѣлъ-бы зрѣлище, настолько-же трагическое, насколько и смѣшное: — людей, идущихъ на муки, чтобы доказать, что Дарвинъ былъ правъ, а Кювье ошибался, подобно тому какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ протопопъ Аввакумъ и его единомышленники выходили на плаху и на костеръ за право писать Иисусъ черезъ одно И, а не черезъ два, какъ у Грековъ, и «двойть» Аллелуія, а не тропть», какъ то установлено государственной церковью. Очель характерно это свойство русской природы — относиться со страстностью, доходящей до фанатизма, къ вопросамъ, которые со стороны всякаго европейца вызвали-бы простое выраженіе одобренія или порицанія. Но въ данномъ случаѣ проповѣдь матеріализма не встрѣчала никакого серьезнаго сопротивленія. Потрясаемые алтари боговъ защищать было некому. Духовенство у насъ, къ счастью, никогда не имѣло нравственнаго вліянія на общество. Что-же касается правительства, то что оно могло подѣлать противъ чисто умственнаго движенія, не выражавшагося ни въ какихъ внѣшнихъ проявленіяхъ?

Такимъ образомъ, сраженіе было выиграно почти безъ всякихъ успѣевъ, выиграно окончательно, безповоротно. Матеріализмъ сталъ своего рода господствующей религіей образованнаго класса, и едва-

ли нужно говорить о томъ значеніи, которое освобожденіе отъ всякихъ религіозныхъ предразсудковъ имѣло для всего дальнѣйшаго развитія революціоннаго движенія.

Но нигилизмъ объявилъ войну не только религіи, но и всему, что не было основано на чистомъ и положительномъ разумѣ, и это стремленіе, какъ нельзя болѣе основательное само по себѣ, доводилось до абсурда нигилистами 60-хъ годовъ. Такъ, они совершенно отрицали искусство, какъ одно изъ проявленій идеализма. Здѣсь отрицатели дошли до геркулесовыхъ столбовъ, провозгласивши, устами одного изъ своихъ пророковъ, знаменитое положеніе, что сапожникъ выше Рафаэля, такъ какъ онъ дѣлаетъ полезныя вещи, тогда какъ картины Рафаэля рѣшительно ни къ чему не годны. Въ глазахъ правовѣрнаго нигилиста сама природа являлась лишь поставщицей матерьяла для химіи и технологіи. « Природа не храмъ, а лабораторія, и человекъ въ ней работникъ », говорить тургеневскій Базаровъ.

II.

Въ одномъ очень важномъ пунктѣ нигилизмъ оказалъ большую услугу Россіи, это — въ рѣшеніи женскаго вопроса: онъ, разумѣется, призналъ полную равноправность женщины съ мужчиной.

Какъ во всякой странѣ, гдѣ политической жизни не существуетъ, гостинная является въ Россіи единственнымъ мѣстомъ, гдѣ люди могутъ обсуждать какіе-бы то ни было интересующіе ихъ вопросы. Женщина хозяйка занимается, такимъ образомъ, соответствующее ей положеніе въ утешенной жизни образованнаго дома много раньше, чѣмъ возникаетъ вопросъ объ ея общественномъ уравниеніи. Это обстоятельство, а также, пожалуй, еще въ большей степени крайнее обѣдненіе дворянства послѣ освобожденія крестьянъ, дали сильный толчокъ вопросу объ эмансипаціи женщины и обезпечили за нею почти полную побѣду.

Женщина поработается во имя брака, любви. Понятно поэтому, что, подымая голосъ въ защиту своихъ правъ, она всякій разъ начинаетъ съ требованія свободы любви и брака. Такъ было въ древнемъ мірѣ: такъ было во Франціи XVIII столѣтія и въ эпоху Жюльетты Зандъ. Такъ-же было и въ Россіи.

Но у насъ женскій вопросъ не ограничился узкимъ требованіемъ

«свободы любви», которая в сущности есть не что иное, как право выбирать себя господина. Скоро русскія женщины поняли, что важно завоевать самую свободу, оставляя вопрос о любви на личное благоусмотрѣніе. А такъ какъ свобода не мыслима безъ экономической независимости, то борьба приняла иной характеръ: цѣлью ея стало обезпечить за женщиной доступъ къ высшему образованію и профессіямъ, на которыя образование даетъ право мужчинамъ.

Борьба эта была продолжительна и упорна, такъ какъ на пути стояла наша патриархальная, допотопная семья. Русскія женщины проявили въ ней много доблести и героизма и придали ей тотъ самый страстный характеръ, какому были проникнуты почти все наши общественныя движенія послѣдняго времени. Въ концѣ концовъ, женщина побѣдила, что принуждено было признать и само правительство.

Ни одинъ отецъ уже не грозитъ обрѣзать косу своей непокорной дочери за то, что она хочетъ ѣхать въ Петербургъ учиться медицинѣ или слушать какіе-нибудь «курсы». Молодая дѣвушка не должна больше бѣжать ради этого изъ родительскаго дома, и ея друзьямъ «инглистамъ» нѣтъ надобности прибѣгать къ «фиктивному браку», чтобы сдѣлать ее независимой.

Ингилизмъ восторжествовалъ по всей линіи, и ему не остается ничего больше, какъ успокоиться на лаврахъ. Первые двѣ ипостаси изъ тройцы его идеала, провозглашеннаго романомъ «Что сдѣлать» — свобода мысли и развитая подруга жизни — были налицо. Недоставало только третьей — «разумнаго труда». Но такъ какъ онъ человѣкъ интеллигентный, а Россія нуждается въ образованныхъ людяхъ, то онъ легко можетъ найти себя дѣло по вкусу.

— Ну, а что-же дальше? вопрошаетъ юноша, полный силъ и отваги, прибывшій изъ какого-нибудь отдаленнаго угла Россіи, и посѣтившій своего прежняго учителя.

— Что-жь, я своего добился и по своему счастливъ, отвѣчаетъ тотъ.

— Да, скажетъ юноша, ты счастливъ, я это вижу. Но какъ можешь ты быть счастливъ, когда въ твоей родной странѣ люди умираютъ отъ голода, когда правительство отнимаетъ у народа послѣдній грошъ и посылаетъ его по міру? Или, быть можетъ, ты этого не знаешь? а если знаешь, то что ты сдѣлать для бра-

гевъ твоихъ? Не самъ-ли ты говорилъ когда-то, что будешь бороться за счастье всѣхъ людей?

И правотѣрный тургеневскій ингилисть будетъ смущенъ этимъ неумолимымъ взоромъ, не признающимъ компромиссовъ, потому что вѣра и энтузіазмъ, одушевлявшіе его въ первые годы борьбы, исчезли послѣ побѣды. Теперь онъ не болѣе, какъ умный и утонченный эпикуреецъ, и кровь уже медленнѣе обращается въ его отяжелѣвшемъ тѣлѣ. А юноша уйдетъ, исполненный тоски, задавая себѣ томительный вопросъ: что дѣлать?

Наступаетъ 1871 годъ. Телеграфныя проволоки и ежедневная газета даютъ возможность современному человѣку быть какъ-бы вседѣствующимъ. И вотъ передъ юношей возникаетъ картина громаднаго города, возставшаго на защиту народныхъ правъ. Съ захватывающимъ духъ волненіемъ слѣдитъ онъ за всѣми перипетіями страшной драмы, которая разыгрывается на берегахъ Сены. Онъ видитъ потоки крови, онъ слышитъ предсмертные вопли женщинъ и дѣтей, разстрѣливаемыхъ на улицахъ Парижа. Но зачѣмъ эти слезы и кровь? За что умираютъ эти люди? Они умираютъ за освобожденіе рабочаго, — за великую социальную идею нашей эпохи. И въ то-же время до его слуха долетаетъ пѣсня русскаго крестьянина, созданная вѣками страданій, нищеты, угнетенія. Вотъ онъ стоитъ передъ нимъ, этотъ «сѣятель и хранитель» русскаго крестьянина, подавленный безъисходнымъ трудомъ и нуждою, вѣчный рабъ то баръ, то чиновниковъ, то своего-же брата кулака. Правительство умышленно держитъ его въ невѣжествѣ, и всякій грабитъ, всякій топчетъ его въ грязь, и никто не подастъ ему руки помощи. Никто? Такъ нѣтъ-же, нѣтъ!!! Юноша знаетъ теперь, что ему дѣлать. Онъ протянетъ крестьянину свою руку. Онъ укажетъ ему путь къ свободѣ и счастью. Его сердце переполняется любовью къ этому бѣдному страдальцу, и, съ пылающимъ взоромъ, онъ произноситъ въ глубинѣ своей души торжественную клятву — посвятить всю свою жизнь, всѣ свои силы, всѣ помышленія, освобожденію роднаго народа, который все терпитъ, чтобы только доставить ему, баловню судьбы, возможность жить въ довольствѣ и роскоши, учиться, наслаждаться искусствами. Онъ сброситъ съ себя свой барскій нарядъ, прикосновеніе котораго ожжетъ его тѣло, надѣнетъ грубый крестьянскій армякъ и лапти, и, покинувъ богатый домъ родныхъ, въ котормъ ему душно, какъ въ тюрьмѣ,

онъ отправится въ народъ, въ какую-нибудь затерянную въ глуши деревушку, и тамъ, слабый и изнѣженный барчонокъ, онъ будетъ исполнять тяжелую крестьянскую работу, будетъ подвергать себя всевозможнымъ лишениямъ, чтобы только внести въ эту несчастную среду слово утѣшенія, евангеліе нашихъ дней — социализмъ. Что для него ссылка, Сибирь, смерть? Весь поглощенный своей великой идеей, лучезарной, живительной, какъ благодатное солнце юга, онъ презираетъ страданіе и самую смерть готовъ встрѣтить съ улыбкой блаженства на лицѣ.

Такъ родился социальстъ-революціонеръ 1872—1874 годовъ. Такъ родился и его предшественникъ, Каракозовецъ, небольшая кучка отборныхъ людей, развившихся подъ непосредственнымъ вліяніемъ зарождавшагося тогда Интернаціонала.

Передъ нами два типа развитія общественной мысли въ Россіи. Одинъ, принадлежащій десятилѣтію 1860 — 1870; другой, появившійся съ 1871 года.

Трудно представить себѣ болѣе рѣзкую противоположность. Нигилистъ стремится во что-бы то ни стало къ собственному счастью, идеаль котораго — « разумная » жизнь « мыслящаго реалиста ». Революціонеръ ищетъ счастья другихъ, принося ему въ жертву свое собственное. Его идеаль — жизнь, полная страданій, и смерть мучешка.

И по какому-то странному капризу судьбы первому изъ нихъ, который не былъ и не могъ быть извѣстенъ нигдѣ кромѣ своей родины, Европа не дала никакого имени, тогда какъ второй, завоевавшій себѣ столь грозную извѣстность, былъ окрещенъ именемъ своего предшественника. Какая прощія !

ПРОПАГАНДА.

I.

Русское революціонное движеніе, какъ о томъ уже упомянуто выше, было результатомъ западно-европейскихъ идей и событій, сильно повліявшихъ на умы русской молодежи, которая, въ силу особенныхъ условій Россіи, была предрасположена воспринять эти вліянія съ самымъ крайнимъ увлеченіемъ. Теперь намъ предстоитъ отмѣтить, каждую въ отдѣльности, петипныя причины, вызвавшія

какой результатъ, и направленіе, въ которомъ происходило ихъ воздѣйствіе. Указавъ источникъ и устье большой рѣки, мы должны теперь перечислить ея притоки и означить подробнѣе направленіе ея течения.

Прослѣдить вліяніе Западной Европы не представляетъ особеннаго затрудненія.

Идейное общеніе между Россіей и Европой никогда не прерывалось, не смотря на все предохранительныя мѣры цензуры. Запрещенныя книги, какъ сочиненія Прудона, Фуррье, Овена и другихъ социалистовъ старой школы, всегда доставлялись въ Россію тайно, даже въ эпоху азіатски жестокаго и подозрительнаго деспотизма Николая.

Однако, вслѣдствіе трудностей, съ которыми было сопряжено добываніе этихъ драгоценныхъ книгъ, и языка, дѣлаваго ихъ мало доступными для массы читающей публики, непосредственное вліяніе этихъ писателей не могло быть особенно сильнымъ. Они дѣйствовали на огромныя сферы читателей благодаря цѣлой плеядѣ блестящихъ популяризаторовъ социалистическихъ идей, которые заняли въ описываемую эпоху самое видное мѣсто въ русской литературѣ. Во главѣ ихъ стояли нѣкоторые изъ самыхъ даровитыхъ людей двухъ послѣднихъ поколѣній: Н. Г. Чернышевскій, глубокій мыслитель, ученый и ѣдкій полемистъ, заплатившій мученичествомъ за свою благородную миссію; Добролюбовъ, гениальный публицистъ, ставшій по нуждѣ критикомъ, который умеръ 26 лѣтъ отъ роду, успѣвши оставить по себѣ глубокий слѣдъ, который не изгладился и до нынѣшняго времени; Михайловъ, профессоръ и писатель, осужденный на каторжныя работы за рѣчь къ студентамъ, — и много, много другихъ. Герценъ и Огаревъ, издатели перваго органа свободнаго слова на русскомъ языкѣ — лондонскаго «Колокола» — были граничными выразителями и толкователями новаго направленія. Эти-то писатели и подготовили почву для всего позднѣйшаго движенія, воспитавши въ принципахъ социализма цѣлое поколѣніе 70-хъ годовъ.

Съ Парижской Коммуной, грозный взрывъ которой потрясъ весь цивилизованный міръ, русскій социализмъ вступилъ въ воплотившій фазисъ своего развитія, перейдя изъ кабинетовъ и частныхъ собраний въ деревни и мастерскія.

Много было причинъ, способствовавшихъ тому, что русская мо-